

ЧАЭС
ИМЕНИ В.И. ЛЕНИНА

БОРИС
Сопельняк

САРКОФАГ

ЧЕРНОБЫЛЬСКИЙ РАЗЛОМ

Борис Николаевич Сопельняк
Саркофаг.
Чернобыльский разлом
Серия «Миссия выполняема»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27401982
Саркофаг. Чернобыльский разлом. Повести: Вече; Москва; 2019
ISBN 978-5-4484-8193-2

Аннотация

26 апреля 1986 года на Чернобыльской АЭС взорвался четвёртый энергоблок. Об этой трагедии, о её причинах и последствиях написано очень много, гораздо больше, чем о пожарных, первыми принявших на себя удар стихии. О том, что сумели сделать эти бесстрашные герои, рассказывает повесть «Саркофаг».

Повесть «Операция „Оверлорд“» описывает жестокую судьбу военнопленных – жертв Второй мировой войны.

Содержание

Саркофаг	4
Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	36
Глава 6	39
Глава 7	47
Глава 8	53
Глава 9	67
Глава 10	77
Конец ознакомительного фрагмента.	86

**Борис Николаевич
Сопельняк
Саркофаг
Чернобыльский разлом
*Повести***

**Саркофаг
Чернобыльский разлом**

Глава 1

Ночь была тихой, звездной и прохладной. Еще горели в окнах огни, еще не разошлись влюбленные парочки, еще сидели на скамейках припозднившиеся старушки – все было, как вчера, позавчера, как три-четыре дня назад. Но именно эта ночь с двадцать пятого на двадцать шестое апреля 1986 года стала тем водоразделом, который расколол жизнь многих людей на далеко не равные части. Много лет назад в наш обиход вошли понятия «До войны» и «После войны», теперь в наши сердца и души навсегда вошли слова «До Чернобы-

ля» и «После Чернобыля».

Преувеличения здесь нет: трагедия Чернобыля стала небывалым испытанием не только для сотен тысяч людей, но и для всей страны. Когда над четвертым блоком атомной электростанции поднялся огромный огненный столб, а небо засветилось каким-то жутким, нездешним светом, многие жители города атомщиков Припяти спали. Одни выскочили на балконы и наивно-восторженно любовались заревом, другие, даря прощальный поцелуй однокласснику, мельком подумали: «Опять экспериментируют. Как-то там мой отец?», третьи занимали боевые посты и, включив сирены красно-белых машин, мчались на пожар.

Одним из первых сигнал тревоги дал младший инспектор Владимир Палагеч. Позже, уже в больничной палате, он рассказал, как все было:

«С 25 на 26 апреля я осуществлял контроль за противопожарным режимом на АЭС. В момент, предшествовавший взрыву, находился неподалеку от машинного зала. После взрыва сразу связался с дежурным по части и сообщил, что горит кровля на четвертом блоке.

Первой сигнал тревоги получила часть № 2. Начальники караулов Владимир Правик и Виктор Кибенок в считанные секунды поднимали людей».

Вот как, уже в больнице, описывал эту ночь один из пожарных Владимир Прищепа:

«26 апреля я находился на дежурстве по охране АЭС. Дневное дежурство прошло без происшествий, а ночью, когда я прилег отдохнуть, объявили боевую тревогу. Мы быстро оделись – и по машинам! Из автомобиля я увидел пламя на АЭС. С нами сел начальник караула лейтенант Правик. Он по рации передал вызов № 3, по которому машины Киевской области должны были мчаться сюда для тушения пожара.

Когда подъехали к АЭС, оказалось, что поблизости нет гидранта. Ребята пошли искать гидрант, а я по пожарной лестнице полез на крышу машинного зала. Взобравшись на крышу, увидел, что перекрытия разрушены: одни упали вниз, а другие кое-как болтались. Спускаясь вниз, прямо на лестнице встретил майора Телятникова, и там же ему обо всем доложил. Он велел выставить боевой пост и дежурить на крыше машинного зала. Я позвал Леонида Шаврея, и мы до самого утра дежурили на крыше. Потом мне стало плохо, я кое-как сполз вниз и побрел в медпункт».

Андрей Половинкин в своей объяснительной записке был еще более краток:

«На место аварии мы прибыли через три-четыре минуты. На крышу энергоблока я поднимался два раза, чтобы передать приказ начальника части, как там действовать. Я-то что, поднялся – спустился, а вот лейтенант Правик был там все время. Он знал, что получит сильное радиационное поражение, но обошел всю крышу и организовал тушение пожара. Пока мог, я

тоже тушил, в потом меня увезли в больницу».

Эти объяснительные записки когда-нибудь окажутся в музеях, их будут изучать как бесценные документы, как свидетельства подвига наших современников, а сейчас, когда они в моих руках, я не могу не процитировать еще несколько записок. В них много общего, но две детали просто необходимо отметить: ни в одной из них нет слова «подвиг» или «героизм» и, как это ни печально, у всех одинаковый конец – нас забрала «скорая помощь».

Иван Шаврей: «Во время аварии я нес службу в расположении части. Выехали по тревоге. Когда поднялись на крышу машинного зала, встретили ребят из 6-й части, они были в плохом состоянии. Мы помогли им добраться до механической лестницы, а сами отправились к очагу загорания, где были до самого конца, пока не потушили огонь на крыше. После выполнения задания мы были в очень плохом состоянии, но все-таки спустились вниз, где нас подобрала „скорая помощь“».

Александр Петровский: «Мы были на крыше минут пятнадцать-двадцать, но этого хватило, чтобы задавить огонь. Как спустился вниз, не помню, а когда пришел в себя, обнаружил, что всех нас забирает „скорая“».

В объяснительной записке Владимира Прищепы упоминается майор Телятников. Как он здесь оказался, да еще в таком виде – в тапочках и домашней клетчатой рубашке? Ведь у него отпуск, он должен быть на черноморском пляже! Но к

Черному морю Леонид Петрович не поехал, он решил отдыхать на берегах Припяти. Как начальник части, о пожаре он должен был узнать первым, но его решили не беспокоить – все-таки отпускник. Майор Телятников сам прервал отпуск: увидев зарево, он вызвал машину и помчался на АЭС.

Тревожно, очень тревожно было у него на душе.

«Если горит гудрон или какие-нибудь перекрытия, ничего, управимся, – думал он. – Но это не гудрон, ох, не гудрон, уж больно странное свечение. Такого я никогда не видел, а уж пожаров в мой жизни было – не сосчитать. Чует мое сердце, что дело тут не в огне, что беда случилась с реактором».

Выскочив из машины, он побежал к станции кратчайшим путем. Все пожарные столпились со стороны огня, а Леонид Петрович выскочил с другой, немо-черной. Взглянул – и окаменел! Сбылись самые скверные предчувствия: перед ним зияла разрушенная взрывом стена четвертого блока и обнаженный, какой-то голый, реактор, в котором многие тонны ядерного топлива. А это – смерть, невидимая, неосязаемая, неотвратимая смерть!

Первая мысль: «Немедленно увести людей. И как можно дальше! Но на крыше четвертого блока бушевал огонь. Если он перекинется на крышу третьего, то пострадает и этот реактор, тогда размеры катастрофы будут просто чудовищными. Нет, тушить! Ценой жизни подчиненных, но тушить!»

Майор Телятников бросился к наружной лестнице и поднялся на крышу машинного зала. Под ногами булькающее

месиво из кипящего битума, а он даже без сапог, а в каких-то нелепых домашних тапочках. Едкий дым, смрад, чад, шатающиеся от слабости люди...

«Они еще не знают самого страшного, они не подозревают, что еле держатся на ногах не оттого, что наглотались дыма, – подумал он. – А может, знают? Может, все понимают и все равно не покидают боевых постов?»

Вот скорчился от боли сержант Тишура. К нему бросился лейтенант Кибенок и не дал рухнуть в кипящий битум. Потом зашатался сержант Ващук – кто-то подхватил и его. Обоих оттащили подальше от огня и спустили вниз. А Кибенок остался! Его шатало, качало, бросало из стороны в сторону, но он продолжал сражаться с черно-синим огнем.

Леонид Петрович видел, что лейтенант все время находится в самом опасном месте – над реактором, видел, что он не подпускает туда своих подчиненных, значит, понимает, откуда исходит главная угроза, понимает, что рискует жизнью, но не хочет подставлять под удар смертельной радиации молодых ребят.

Через несколько дней, уже в больничной палате, Леонид Петрович скажет о Викторе Кибенке:

– Он был среди нас самым выносливым, самым крепким и самым мужественным. Но не выносливость и не могучее здоровье, а какая-то неведомая сила дольше, чем кому бы то ни было, позволяла ему держаться на ногах. Вместе с Правиком они сражались до последнего, победного, пока не за-

кончили борьбу с огнем.

Три часа сражался лейтенант Кибенок с пожаром, три часа находился на простреливаемой жесткой радиацией крыше. И лишь когда огонь задавили и оставались небольшие костерки, уже в полубессознательном состоянии Виктор с трудом добрался до лестницы, спустился вниз и потерял сознание. Первое, что он спросил, придя в себя:

– Как там, затушили?

– Затушили, – услышал в ответ и провалился в небытие.

Крыша уже не полыхала ярким пламенем, а курилась едким дымом. Все облегченно вздохнули. Все, но не майор Телятников. Леонид Петрович слишком хорошо знал повадки огня: наверняка он где-то затаился и ищет щель, сквозь которую можно пробиться наружу. Так и есть! Спустившись в машинное отделение, Леонид Петрович заметил огромные, многотонные емкости с машинным маслом.

«Вот она, идеальная пища для огня! – мелькнула тревожная мысль. – Если он где-то остался, наверняка прибежит сюда».

И точно, откуда-то снизу подбирался ярко-желтый ручеек, на глазах превращавшийся в раскаленную реку. На ее пути стали пожарные расчеты! Сменяя друг друга, люди бились с огнем, пока не задавили его окончательно.

А по дороге в Киев мчались «скорые» с обгоревшими и облученными пожарными. На аэродроме ждали самолеты, которые должны были доставить их в Москву. Начались пе-

реливания крови, трансплантации костного мозга, антибактериальная и другая терапия. Лечились ребята так же стойко, как боролись с огнем. Душой и своеобразным мотором этого коллектива был Виктор Кибенок. Он отрывал себя от постели, ходил по палатам, навещал друзей, шутил, смеялся, рассказывал анекдоты.

9 мая, в День Победы, Виктор снова всех навестил, поздравил с праздником, был, как всегда, весел и, озорно улыбаясь, повторял свое любимое присловье:

– Держитесь ближе к жизни, ребята!

А через несколько часов его не стало...

Глава 2

– Приказа не будет, – потирая то место, где еще вчера были брови, сказал капитан Придатко. – Нужны добровольцы. Стоп! Не спешите делать шаг вперед, – предупредительно поднял он руку, когда весь строй качнулся. – Дело предстоит серьезное. Риск немалый.

– Здесь он везде немалый, – заметил лейтенант Григораш.

– Верно, лейтенант. Да и профессия у нас такая – рисковать. Все с пожара, а мы – на пожар. Короче говоря, дело такое: я нашел машину Кибенка.

Строй дрогнул и напрягся.

– Да, ребята, я нашел боевую машину Кибенка. Мы каждый день называем на поверках имена наших товарищей, которые шагнули в огонь двадцать шестого апреля. Они шагнули не только в огонь, они шагнули в бессмертие. Их уже нет. Но они с нами. Всегда!

Капитан закашлялся и потер горло. Голос заметно сел и осип. Это характерно для всех, кто работает в Чернобыле: первый выброс был с большим количеством йода, который ударил по щитовидным железам, что сразу же сказалось на голосовых связках.

– В общем, боевую машину надо вытащить, – продолжал капитан. – Это дело нашей чести, чести пожарных! Когда-нибудь машину Кибенка поставят на пьедестал, как сорок лет

назад ставили танки, пушки и «катюши».

Строй загудел!

– Правильно, командир. Нам скоро уезжать, а новички машину могут не найти.

– Все пойдем!

– А сколько там рентген? – поинтересовался Григораш.

– То-то и оно, что много. «Урал» Кибенка стоит почти у самого реактора, – поскреб давнишнюю щетину капитан. – К тому же он увяз в песке, а передние колеса заклинило между рельсами.

– Значит, кто-то должен сесть за руль и вывернуть колеса? – уточнил Григораш.

– Да, кто-то должен забраться в кабину и сесть за руль.

Наступила пауза.

– Я тут кое-что прикинул, – продолжал капитан. – Работать надо группами по три-четыре человека. Находиться в зоне жесткого облучения не более минуты. Отработала одна группа – ее сменяет другая, потом – третья и так далее. Облучение будет в пределах нормы. А за минуту можно сделать много. Короче говоря, тренироваться надо в чистой зоне, тренироваться до тех пор, пока все операции не доведем до автоматизма. Подумайте... Приказа нам никто не отдавал, а работы предостаточно и без машины Кибенка. Так что это дело чисто добровольное.

Первым прочистил горло Олег Григораш.

– Начальником караула прошу назначить меня, – настой-

чиво просипел он.

– Нет, меня! – прокашлял его сосед.

– Тихо, хлопцы. Начкаром буду я! – повысил голос Григораш. – Кибенок был моим другом. Мы вместе учились. Наши койки стояли в одном кубрике: моя через две от койки Виктора. И в футбол мы играли в одной команде.

Капитан посмотрел на высокого, чернобрового лейтенанта и неожиданно спросил.

– Женат?

– Да.

– Дети есть?

– Дочь, – расплылся в улыбке Олег. – Ей уже месяц. Правда, имя еще не придумал. Когда уезжал в Чернобыль, ей было восемь дней. Всего один раз и видел. Но это ничего не значит! – нахмурился лейтенант, поняв, почему этим интересуется командир.

Григораш это понял с ходу, а я – много месяцев спустя, когда у парней, получивших большие дозы облучения, стали рождаться всевозможные уродцы. Не зря же в верхах было принято не подлежащее огласке решение: всем беременным женщинам сделать аборты. Как ни грустно это звучит, но это указание выполнили далеко не все – вот и стали появляться в тех краях один за другим инвалиды детства. К этой теме я еще вернусь, но несколько позже...

– Ладно, будешь начкаром, – махнул рукой капитан.

И тут у него снова перехватило горло, но как-то иначе, не

по-чернобыльски: он вспомнил своего пятилетнего Вальку. До чего же шустрый парнишка! Да и дело пожарное любит, в отца пошел и в деда, так и норовит удрать с отцом на дежурство и посидеть за рулем краснобокой машины.

«Лейтенанта надо бы оставить, — подумал он, — дочурка может осиротеть. Но и не брать нельзя — всю жизнь этот бравый парень будет казниться. А как смотреть в глаза подчиненных?!»

Чернобыль жестко и беспощадно расставил людей по местам, здесь храбрый становится еще храбрее, а велеречивый трус проявляется мгновенно, нашелся в их отряде и такой. С каким презрением смотрели на него бойцы, возвращаясь после работы у реактора! Здесь дело ясное, с этим парнем придется расстаться.

Но как быть с теми, кого в добровольцы брать не стоит, кого надо поберечь для другой работы? Дело в том, что медики скрупулезно следят за тем, кто сколько получил рентген, и как только цифра приближается к отметке в двадцать пять рентген, человека отправляют за пределы тридцатикилометровой зоны. У многих до этой отметки осталось совсем немного, а работы неуправляемый...

Когда отряд добровольцев был сформирован, начались тренировки. Загнали один «Урал» в песок, набросали балок, нарыли ям. Водитель и трое бойцов садятся в бронетранспортер. Полный газ, и бэтээр несется к «Уралу». Удар по тормозам — и бойцы выскакивают наружу. Один разматывает

трос, другой набрасывает его крюк бампера, третий прыгает в кабину. Ревет мотор, из-под колес летят камни, и машина вылезает из песка. Но...на это ушло десять минут. Много, недопустимо много.

Два дня тренировались экипажи, пока не научились укладываться в одну минуту.

– Всем отдыхать. Завтра утром едем за машиной, – буднично сказал капитан и отправился в свою палатку.

А утром принесли листовки. Одну из них я сохранил. Семь строк стихов, простых, бесхитростных, но какие точные там есть слова:

Начкар перед строем сказал тяжело:

– Хоть риск и смертелен, но все же...

Запнулся, как будто бы горло свело:

– Если не мы, то кто же?

«Если не мы, то кто же?..» Эти слова могут стать эпиграфом ко всему, что делают люди в районе Чернобыльской АЭС. Здесь нет волокиты, нет бесконечных согласований, нет оглядки на начальство, здесь люди умеют брать ответственность на себя, здесь без раздумий подставят плечо, вынесут из опасной зоны, отдадут свой респиратор, но при одном-единственном условии: если ты рядом, если не прячешься за спины, если занят делом, а не деятельным ничегонеделанием.

За две недели командировки я побывал на АЭС, под четвертым блоком и над ним, ходил по пустынным улицам При-

пяти, и эта листовка всегда была со мной. Если не мы, то кто же?.. Здорово сказано, по-мужски! И вообще, мне кажется, что в Чернобыле собрался цвет мужского населения страны. Я еще расскажу об этих людях, я назову их имена, так как уверен, что они заслуживают того, чтобы о них знала вся страна.

На часах десять вечера, а еще светло. Не спится. Встаю и в сотый раз иду попить. Воды здесь пьют много, так много, что некоторые шутники, как говорится, на голубом глазу, стали уверять, что если собрать все пустые бутылки, ими можно завалить реактор.

– Не спится? – открывая очередную бутылку «нарзана», просипел какой-то парень.

– Вам, я смотрю, тоже?

– Горло першит. Как только лягу, начинаю кашлять, да так сильно, что прямо слезы из глаз.

– Пройдет, – просипел я. – По себе знаю. Вы тут недавно?

– Пятый день.

– На десятый кашлять перестанете, зато воды станете пить еще больше.

– Спасибо, что утешили, – криво улыбнулся парень и вдруг ни с того ни с сего предложил: – Хотите посмотреть очевидное – невероятное?

– По телевизору, что ли? Так эта передача вроде бы днем.

– Какая там передача! – поморщился он. – Это не по телеку, а по жизни.

Я кивнул, и незнакомец позвал за собой. Идти пришлось недалеко. Прямо за дорогой аккуратная деревенька. Население эвакуировано, скот вывезен, а куры, гуси и утки остались. Аисты, кстати, тоже. Они уже вывели птенцов и живут себе поживают, как ни в чем не бывало.

Как известно, домашняя птица, где бы ни бродила днем, вечером возвращается в свой сарай или курятник. Так вот у этих, если так можно выразиться, стад появились весьма необычные пастухи. Ни за что не догадаетесь, о ком идет речь! Я тоже не сразу поверил, хотя видел все это метров с двадцати. Не буду томить: как оказалось, в каждом дворе теперь живет...лиса. Она ревниво оберегает свое стадо, не подпускает к нему товарок, завтракает, обедает и ужинает расчетливо и экономно, не уничтожая птиц сверх меры. Собак в селах нет, их или вывезли или отстреляли, так как, сбиваясь в стаи, они стали опасны – вот лисы и чувствуют себя полновластными хозяйками покинутых деревень.

– Ну что? – восхищенно похохатывал парень. – Чем не очевидное – невероятное? А ведь расскажи – никто не поверит!

– Поверят, – успокоил я. – Скажете, что был свидетель... Ну что, теперь на боковую?

– Ага, – зевнул он. – Спокойной ночи.

Только улеглись, только заснули – тревога! Грохот сапог, рев двигателей, звон колоколов! Все чего-то кричат, куда-то бегут, а с ними и я. Через несколько минут, раздирая сире-

нами воздух, пожарные машины уже несутся в сторону АЭС. Неужели снова взрыв, неужели что-то горит? Нет, машины свернули на проселок. Оказывается, загорелся лес. Огонь может отрезать дорогу, а если он перепрыгнет через бетонку, под угрозой окажется Чернобыль.

Едкий дым, треск падающих деревьев, стук топоров, визг пил, кляцанье лопат... Часа через три очаг окружили мертвой зоной пустоты.

Дорогу отстояли. А на рассвете подъехали другие расчеты и огонь задавили окончательно. Задавить-то задавили, но последствия этого лесного пожара дали себя знать буквально через день-другой. Дело в том, что сосновый бор, в котором была построена АЭС, стал своеобразным хранилищем радиоактивного стронция.

Внешне вроде бы ничего не изменилось, разве что иголки стали красноватыми, а кора оранжево-желтой, но на самом деле приближаться к этому лесу смертельно опасно. А когда разыгрался пожар и деревья загорелись, как свечки, дым буквально пропитался радиоактивной золой, и ветер разнес ее на многие километры. Это тут же отметили соответствующие службы в соседних областях, и даже в Скандинавии.

Но мы об этом ничего не знали и, довольные хорошо сделанной работой, отправились на базу.

– Отбой, – устало выдохнул командир. – К реактору поедем завтра.

Глава 3

День прошел спокойно, а рано утром бронетранспортер и две машины с запасными экипажами отправились в путь. Он, кстати, короток, но наша небольшая колонна растянулась на целый километр. Я сидел в последней машине и ничего не понимал: водитель то отставал от передней машины на несколько сотен метров, то вообще останавливался и ждал, когда уляжется пыль.

– В чем дело? – не выдержал я. – Почему так странно едем?

– Потому, – терпеливо объяснял капитан, – что самое страшное здесь не радиоактивное излучение, а пыль, несущая заряд радиоактивности. Она проникает везде и всюду, поэтому... поэтому меня следует отстранить от руководства операцией, – хлопнул он себя по лбу. – Вместо того чтобы ждать, когда осядет пыль от передней машины, надо было пустить между нами самую обычную поливалку. Балда! – не стесняясь подчиненных, заявил он. – Как вижу, возражений от членов экипажа не поступало, значит, так оно и есть.

– Да ладно вам, – пожалел его водитель. – Приедем на полчаса позже – только и делов.

– Делов, – покосился в его сторону капитан. – Во-первых, не делов, а... – тут он махнул рукой и замечание делать почему-то не стал. – Короче говоря, работы у нас столько, что

дорога каждая минута. Так что поливалка нам бы не помешала, – никак не мог простить себе оплошности капитан, – а я об этом не подумал.

Чем ближе к АЭС, тем жарче. Странное дело, температура везде вроде бы одинаковая, но в районе АЭС, как в печке. Потом-то я понял, в чем дело: и кажущаяся жара, и обильный пот, и вздутые желваки – все это у тех, кто идет сюда впервые. Потом привыкаешь, по себе знаю. Главное, первый выход из люка, первое прикосновение к зараженной земле, первый шаг к реактору.

Один опытный человек сказал: «Если видишь лужу, обязательно обойдешь. А тут не видишь ни одной и в то же время знаешь, что все время ходишь по лужам». В этом я тоже убедился, когда вернулся после одного из посещений АЭС: на правом сапоге дозиметр показывал одну дозу облучения, а на левом – совсем другую, в пять раз большую. Значит, попал в ту самую лужу, иначе говоря, на что-то наступил. Увидеть это «что-то», почувствовать или ощутить невозможно.

Около третьего блока наша колонна остановилась.

– Дальше пойдет бэтээр, – сказал капитан. – В нем безопаснее. Работаем ровно минуту – и назад. Санек, – обернулся он к водителю бронированной машины, – теперь все в твоих руках. Бей по газам так, чтобы слышали даже в Киеве. Чем быстрее подъедешь и чем быстрее отъедешь, тем меньше ребята облучатся. Все, включая секундомер!

Побледневший Санек так даванул на газ, что бэтээр со-

рвался с места, как спринтер с низкого старта. Бросок вперед. Люк настезь. Прыжок на землю. Рывок к машине Кибенка. Трос – на буксирный крюк.

– Все назад! – глухо, через респиратор, кричит капитан.

– В запасе десять секунд. Я успею открыть дверцу, – просит Григораш.

– Действуй.

Рывок – дверца не открывается. Еще рывок! Бесполезно.

– Заклинило?

– Да.

– Давай помогу, – подбежал кто-то.

– Пять секунд! – снова кричит капитан.

Рывок. Еще рывок. Скрежет. Звон.

– Порядок, открыл! – воскликнул Григораш.

– К бэтээру, бегом!

Когда командир нажал на кнопку хронометра, оказалось, что работали шестьдесят три секунды.

– Заметил, как вывернуты колеса? – спросил капитан.

– Заметил, – тяжело выдохнул Григораш. – Может, попробуем волоком, не трогая руля? В кабине черт-те сколько рентген.

– Не получится, машина очень тяжелая. Спокойно, Олег, за минуту ничего страшного не случится, все зависит от времени пребывания в зоне облучения.

Ни со второй, ни с третьей попытки вытащить машину не удалось, так глубоко она увязла. К тому же мешали рельсы,

да и руль никак не вывернуть в нужную сторону. Но вот в кабину прыгнул сержант Олефир.

– Попробуй враскачку! – крикнул он водителю бэтэера. – Вперед – назад, вперед – назад...

Тот молча кивнул и так нажал на газ, что мотор зазвенел от натуги. Ура, машина качнулась! Сержант поймал момент и вывернул руль. Бэтээр напрягся, чуточку подпрыгнул, и вот машина пошла, пошла, пошла...

Ее поставили под чудом уцелевшим деревом. Из самой опасной зоны боевую машину Кибенка вытащили, но она сама являлась таким серьезным источником радиации, что некоторое время побудет в отстое.

– А потом мы ее дезактивируем, отмоем, отчистим и поставим на пьедестал, – удовлетворенно улыбаясь, сказал капитан. – Думаю, что красный «Урал» с надписью на дверце «Припять» будет хорошим памятником нашим павшим товарищам.

Обожженное радиацией дерево. Опаленная боевая машина. И десять бойцов пожарной охраны с обнаженными головами. Пилотки снять можно, респираторы – ни в коем случае. Потом кто-то достал из кармана листовку и прикрепил к лобовому стеклу боевой машины Кибенка. «Если не мы, то кто же?..» Эти слова видны издалека. Они видны и слышны здесь всюду, даже если и не написаны. Но как хочется, чтобы на всю страну прозвучали заключительные слова этой стихотворной листовки:

Перед рассветом развеялся дым
Смертельно тяжелого боя.
Давайте встанем и помолчим,
О подвиге этом помня.

Глава 4

Большое поле на окраине Чернобыля стало и складом, и аэродромом. Никогда не забуду, как меня привезли на это поле, сказали: «Ждите, за вами придут» и оставили одного. Некоторое время я наблюдал, как один за другим приземлялись вертолеты, которые сбрасывали на аварийный реактор мешки с песком, бором и доломитом, а также тяжеленные свинцовые бруски. Считалось, что они снизят уровень выделяемой реактором радиации.

Когда за мной наконец пришли, я чуть было не расхохотался: Пат и Паташон! Старший, с погонами капитана, двухметровый детина, а рядом молоденький, кажущийся чуть ли не подростком, лейтенантик.

– Капитан Кармазин, – козырнул Пат. – Григорий, – как-то нараспев, добавил он и протянул руку, в которую легко бы поместился астраханский арбуз.

– Лейтенант Макеев, – козырнул Паташон, но, соблюдая приличия, руку подавать не стал: как известно, младший не должен этого делать первым.

– Мне сказали, что вы хотите слетать с нами на радиационную разведку, – забавно растягивая гласные, начал издалека капитан. – Спрашивается, зачем?

– Как это, зачем? – почувствовав подвох, обиделся я. – Чтобы рассказать об этом людям. А то ведь, знаете, многие

нашему пишущему брату не верят: вы, мол, все выдумываете, а сами реактора в глаза не видели.

– Так вы хотите увидеть жерло взорвавшегося реактора?

– Ну да.

– Это опасно.

– Но вы-то над ним летаете.

– Лета-а-ем, – чуть ли не запел он. – Но мы-то по долгу службы, а вам на кой черт подставляться?!

Тут я наконец понял, что такое неожиданное растягивание гласных – это своеобразная форма заикания, и перестал обращать на это внимание. Как перестал реагировать и на то, что капитан меня явно подначивает.

– А вы расскажите, что после таких полетов болит, – сделав наивное лицо, бросил я, – может быть, испугаете, и я с вами не полечу.

– Ладно, – миролюбиво улыбнулся капитан, – побазарили, и хватит. Но работа-то и в самом деле непростая. Однажды мне пришлось висеть над реактором двенадцать минут. Дело прошлое, но ощущение было такое, будто снизу палит зенитная батарея. И хотя сиденья облицованы свинцом, хотя приборы показывали допустимую дозу облучения, все равно становилось как-то не по себе. Это мне-то, боевому летчику, знающему, почем фунт лиха, а каково молодым, необстрелянным пацанам, вроде Пашки Макеева.

Лейтенант обиженно поджал губы, но сдержался и промолчал.

– Я ведь сюда напрямиком из Афганистана, – продолжал капитан. – Нас перебросили в течение суток. А до этого сделал пятьсот двадцать боевых вылетов, четыре раза был сбит, падал на землю в горящем вертолете, короче говоря, хорошо знаю, что значит быть на волосок от смерти, но такого мандража, как здесь, не испытывал. Никто вроде не стреляет, повсюду тишь да гладь, а сердце екает. Со временем, конечно, привык, научился следить не только за приборами, показывающими высоту и скорость, но и за стрелкой дозиметра. Здесь этот прибор – главный. Иной раз приходится попадать в зону, где излучение исчисляется не десятками, а тысячами рентген в час, но если проскочить ее за несколько секунд, само собой, сделав свою работу, то при пересчете на часы получится ерундовая цифра. Правда, эти цифры не растворяются и не исчезают сами по себе, в организме они накапливаются или, как мы говорим, плюсятся.

– А загар? – спросил я. – Загар у вас афганский или местный, чернобыльский?

– Местный, – отмахнулся он. – Вы сами-то в зеркало давно заглядывали?

– А что? – встревоженно переспросил я. – Я уже тоже... того?

– Того-того, – усмехнулся капитан. – Мы здесь все того, – потер он бронзово-смуглые щеки. – Да вы не тушуйтесь, радиационный загар это еще не признак лучевой болезни, хотя, как говорят врачи, первый звонок, означающий, что по-

ра отсюда сматывать удочки. Ну что, испугал? – с лукавой усмешкой заглянул мне в глаза капитан. – Полетите? А то еще не поздно отказаться.

– Нет-нет, – шагнул я к вертолету. – Летим! Главное, чтобы, как говорят авиаторы, количество взлетов равнялось количеству посадок. Это вы гарантируете?

– На девяносто девять процентов! – хохотнул капитан.

– Что так? От кого же зависит оставшийся один процент?

– От Бога, – с каким-то особенным нажимом сказал капитан. – Наши девяносто девять – ничто, по сравнению с этим, одним-единственным процентом.

Минута – и мы в воздухе. Колосятся поля, привольно раскинулись поселки, змеятся дороги. А вот и река. Припять здесь практически не течет: берега обвалованы, некоторые участки перекрыты дамбами. Еще минута – и под нами АЭС. Недостроенный пятый блок, административно-бытовой корпус, стройные сооружения первого и второго блоков. Чуть дальше третий блок. Труба в ажурном переплете и... в каких-то тридцати метрах четвертый блок.

Честно говоря, к этой встрече я готовился серьезно, беседовал со специалистами, читал всевозможные отчеты, изучал фотографии, поэтому хорошо знал, что реактор разрушен, что он раскален, что время от времени, как действующий вулкан, делает опасные выбросы. Черт его знает, в какой момент он вздумает плевать?! Тогда нам крышка. Но мы кружим вокруг реактора, и я, как ни в чем не бывало,

фотографирую разрушенную крышу, разбитые стены и даже жерло кратера – именно так выглядят внутренности взорвавшегося реактора.

Все тихо, буднично, спокойно... Но в том-то и коварство! Стоило вертолету приблизиться еще не пару метров, как стрелка дозиметра, приближаясь к опасной черте, стремительно пошла вправо.

– Не шали, – процедил сквозь зубы капитан и увел машину чуть в сторону. – Вот так-то, – улыбнулся он двинувшейся влево стрелке.

Как позже выяснилось, эти рискованные игры со стрелкой продолжались двадцать три минуты.

– Задание выполнено, – доложил земле капитан и попросил разрешения на посадку.

Посадку нам разрешили, но почему-то в другом месте, где базируются огромные Ми-26. Эти вертолеты заняты совсем другой работой. Я уже говорил, что самое опасное в районе АЭС – это радиоактивная пыль. Если улицы и дороги можно поливать, то, как быть с крышами АЭС и двором промышленной базы, который завален бетонными плитами, блоками и другими строительными материалами? Выход был найден. Ученые-химики разработали и быстро изготовили специальную жидкость: попадая на любую поверхность, она превращается в тонкую, необычайно прочную пленку, которая намертво схватывает и пыль, и песок, и все остальное. Распыляют эту жидкость вертолеты.

И надо же так случиться, что командира Ми-26 не допустили к полету медики, он схватил такую внушительную дозу радиации, что его немедленно отправили в Киев. А чтобы машина не простаивала без дела, командиром назначили капитана Кармазина, благо, в том же Афганистане он не одну сотню часов налетал именно на этом вертолете.

Как вы понимаете, в этой ситуации я не мог не использовать своих добрых отношений с командиром и попросился в полет.

– Ладно, – переглянулся он другими членами экипажа, – одно место в кабине найдется. Если хотите...

Я захотел.

Шесть больших автоцистерн заканчивали заправку гигантского вертолета той самой жидкостью. Капитан Кармазин занял левое кресло, а в правое сел старший лейтенант Сугробин.

Я пристроился на откидной скамеечке между ними. Обзор великолепный!

Заработали двигатели, стремительно закружились лопасти, машина вздрогнула, напряглась, но оторваться от земли не смогла. Оно и понятно, ведь в баках около двадцати тонн бурды – так летчики называют жидкость, настоящее название которой невозможно выговорить. Командир прибавил оборотов, лопасти слились в стремительно вращающийся диск – и машина как-то нехотя поползла в небо.

Двенадцать минут полета – и мы у четвертого блока. На

этот раз подошли так близко, что, кажется, протяни руку – и дотронешься до реактора. Но наша цель не четвертый блок, а крыша третьего, двор промбазы и берег Припяти. Командир заложил крутой вираж, обошел все цели и увел машину в сторону, как я понял, на стартовую позицию.

– Штурман, включить насосы! – приказал майор.

– Есть, включить насосы.

– Руководитель полетов, – запросил командир по радио. – Разрешите работу?

– Разрешаю.

– Командир, скорость семьдесят, высота шестьдесят, – доложил Сугробин.

– Понял. Штурман, слив!

– Есть, слив! – отозвался штурман и нажал на какой-то рычаг.

Вертолет как-то странно дернулся, и тут же из его брюха сперва брызнул, а потом потянулся ярко-коричневый шлейф. Шестьдесят метров – это ниже крыши третьего блока, высота которого семьдесят, а труба вообще где-то над нами. Внизу столбы, провода, мачты линии электропередач, и хвост шлейфа, казалось, задевает за них. Не дай бог, чихнет мотор или заденут за что-то лопасти. На этой высоте мягкую посадку не сделать, а о вынужденной лучше не думать, на таком расстоянии от реактора это верная смерть.

Да-а, от искусства командира здесь зависит все: и успех работы, и жизнь экипажа.

– Командир, работу закончил, – доложил штурман.

– Добро. Выход из зоны! – выдохнул командир и передал управление Сугробину.

– Так вот и работаем, – вытирая мокрый от пота лоб, улыбнулся старлей. – Туда – сюда, туда – сюда, десять вылетов в день. По расписанию летаем, как в «Аэрофлоте». Вот наш командир и нахватался этих чертовых рентген. Спасибо, что капитан Кармазин подменил майора Зотова.

– Так велели, – отмахнулся капитан. – Но имей в виду, что это разовая акция. Так что готовься занять левое кресло. Постельный режим майору Зотову, судя по всему, прописан надолго.

– Скажите, командир, – вмешался я в разговор. – А вам приходилось видеть результаты своего труда?

– Не понял.

– Ну, эту пленку... Она надежная?

– Говорят, надежная. Но я не видел. И не увижу. Для этого надо пройти по крыше третьего блока или прогуляться по берегу Припяти. А там... Нет, это невозможно, за несколько минут сгоришь от радиации.

– Извините, командир, – вмешался в разговор штурман, – но одно такое местечко есть. Я бы и сам прогулялся, но туда не пустят.

– Что за местечко?

– Припять. Мы уже обрабатывали улицы и площади этого города.

– Ну что ты! Кто же туда пустит?! А впрочем, – скосил глаза за борт командир, – если не можем пройтись по городу, давайте хоть над ним полетаем, не пачкая улицы бурдой.

Вертолет изменил курс, и через две минуты мы оказались над светлым, уютным и прекрасно спланированным городом. Широкие проспекты, прямые улицы, просторные площади... И ни души, ни одной живой души. Город без людей, без несущихся машин, без какого-либо движения – картина угнетающая.

– А вы знаете, – сделав вид, что хочет закурить, вальяжно откинулся в кресле штурман, – что о Припяти уже ходят анекдоты?

– Анекдоты? О Припяти? – усомнился командир.

– Да еще какие, научно-фантастические! – хохотнул штурман.

– Ну-ка, ну-ка, – снимая шлемофон, уселся поудобнее капитан. – Поделись!

– Дело происходит в этих местах, но не сейчас, а полтора-два лет спустя, – важно начал штурман. – Летит по небу аппарат, вроде нашего, только двигатель тарахтит не так громко, а заклепки дребезжат не так противно. За штурвалом сидит бодренький старичок, а рядом с ним любимый внучек.

Глянул внучек за борт, пожал плечами и спрашивает деда: «Дедуля, что это под нами за пустыня? Одни пески. Неужели Сахара разрослась до таких размеров?» – «Нет, внучек, – отвечает дед, – это не Сахара. Эта пустыня называется Чер-

нобыльской». И дед погладил любимого внука по головке.

Летят дальше. «А это что за развалины? – спрашивает внучек. – И ни птиц не видно, ни людей, ни каких-нибудь животных». – «Эти развалины – когда-то красивый и уютный город Припять. Здесь жили твой прапрадед и твоя прапрабабка». И дед погладил любимого внука по головке. Пролетели еще немного – и внук увидел что-то зияюще-черное, курящееся едким дымом. «Дедуля, а это, что это за подобие вулкана?» – всплеснул руками умница-внучек. «Это то, с чего все началось, – горько вздохнул старик. – Здесь была атомная электростанция, на которой работали твои предки и которая ни с того ни с сего взорвалась». И дед погладил любимого внука по второй головке.

– Чего-чего? По второй головке? – вскинулся командир. – Это что же значит?

– А значит это то, что с годами могут произойти такие мутации, что у детей появятся и вторые головки, и третьи ножки и четвертые ручки. Отдаленные или, как говорят ученые, отложенные последствия облучения никто толком не изучал, но то, что они отрицательно влияют на наследственность и разрушают генетику человека, ни у кого не вызывает сомнений.

– Большой ты, штурман, весельчак! – крикнул с досады командир. – Нет бы что-нибудь про Чапаева или из жизни не очень строгих девушек, так нет же, вклеил про светлое будущее. Нет уж, человечество просто так не сдастся и какое-ни-

будь противоядие от ядерной заразы найдет. Я в это верю... Хотя и сильно сомневаюсь, — после паузы добавил он.

— А я тоже, — подал голос Сугробин.

— Что — тоже? — не понял командир.

— Тоже анекдот знаю... И не такой мрачный.

— Ну, если не мрачный, то давай, излагай.

— Дело происходит в Москве, — пряча улыбку, начал Сугробин. — На Центральном рынке. Торгует какая-то бабка яблоками и при этом довольно необычно привлекает покупателей. «Кому яблочки, кому свеженькие, кому чернобыльские!» — напевает она. «Ты что, бабка, рехнулась? — остановился около нее мужичок. — Какой дурак станет покупать чернобыльские яблоки! От них тут же концы отдашь». — «Ну, дурак не дурак, — усмехнулась бабка, — а от покупателей отбоя нет». — «И что, помногу берут?» — «Еще как берут: кто жене, кто теще».

— А кто начальнику, — добавил штурман.

— Да уж, кое-кому я бы этих яблок отвалил полный самосвал, — сквозь зубы процедил командир и, заложив вираж, направил вертолет на базу.

Глава 5

Ближился вечер, полетов в тот день больше не планировалось, поэтому капитан Кармазин пригласил меня в свою палатку и предложил, как он выразился, смыть с себя стронций.

– Тот, который снаружи, смоешь под душем, – бросил он мне мочалку, – а тот который внутри, красным вином.

Надо ли говорить, что после напряженного дня попавший внутрь стронций мы смывали особенно тщательно и обильно. Дошло до того, что мы выпили на «ты» и стали обращаться друг к другу по имени.

Откуда-то взялась гитара, и осмелевший лейтенант Макеев запел. Какой же прекрасный оказался у него голос, нечто среднее между тенором и баритоном! Самое удивительное, пел он не популярную молодежную «попсу», а романсы: и «Утро туманное», и «Не искушай меня без нужды», и «Я помню чудное мгновенье».

Пашка трепетно перебирал струны, тщательно артикулировал и точно попадал в ноты.

– Ну, друг Макеев, тебе бы надо не в авиацию, а в консерваторию, – не удержался я от похвалы.

– А я там был, – как о чем-то само собой разумеющемся ответил тот и заиграл что-то испанское.

– Как это? – поперхнулся я. – Натворил что-то непотреб-

ное и тебя выгнали?

– Никто меня не выгонял. Я сам ушел, – продолжал он перебирать струны.

– Не может быть, – не поверил я. – Первый раз слышу, чтобы из консерватории кто-нибудь ушел по собственному желанию.

– А что оставалось делать? Голос-то я потерял. Раньше у меня был приличный тенор, но после...

Тут Пашка всхлипнул, но быстро взял себя в руки.

– Помните Медного всадника? Так вот я попал почти в такое же наводнение. Осень, вода ледяная, а я бреду по пояс в невской воде и на руках несу самое дорогое – любимую девушку. Она и ног не замочила, а я простудился и потерял голос. Консерваторию пришлось бросить. А потом меня призывали в армию и направили в авиационное училище. Так я стал вертолетчиком. И очень этим доволен! – с нажимом закончил он.

– А... – открыл я было рот, но Григорий показал здоровенный кулак, и я умолк.

– А девушка, хотите спросить? – Павел взял какой-то сумасшедший аккорд. – Девушка стала довольно приличной скрипачкой и замужней дамой. Встречаться со мной она сочла неприличным. Господи! – как-то очень по-взрослому вздохнул он. – Как давно это было! Все это чепуха и чушь собачья. То, что за спиной, – не существует! Такой я придумал себе девиз, в соответствии с ним и живу. Но третьего дня

со мной произошло нечто неожиданное: в местной газете я прочитал тронувшие меня стихи и буквально за час положил их на музыку. Хотите послушать?

Мы с готовностью кивнули, и Павел запел. Сначала там было что-то про природу, про прекрасный город Припять – это я забыл, но несколько строк, про пожар и про погибших ребят, запомнил...

А двадцать шестого, чуть дальше за полночь,
Такое случилось, что страшно сказать,
Взорвался реактор четвертого блока,
И город живой нужно срочно спасать.

В самом конце песня набирала такую силу, что звучала, как многоголосый реквием!

Мы вывезли город – шоферы, сержанты,
Никто не скулил, честно вынес свой крест.
Нальем по одной за героев пожарных,
За город родной и за сказочный лес.

Глава 6

Надо же так случиться, что, побывав над реактором, на следующий день я по иронии судьбы оказался под ним. То, что на территории АЭС работают шахтеры, мне было известно, но что именно делают и зачем, никто толком не знал. На эти вопросы ответил министр угольной промышленности тех лет Николай Сургай.

– Уже третьего мая первый шахтерский десант высадился в Чернобыле, – рассказывал Николай Сафонович. – Задачу перед нами поставили сверхсложную: из района третьего блока пробить штрек под фундамент четвертого, выбрать несколько тысяч кубометров грунта и расчистить нишу для сооружения фундамента для будущего саркофага или, как его называют, могильника, который закроет взорвавшийся реактор.

– Как я понял, штрек должен пройти под фундаментом третьего блока. Это не опасно?

– Не очень. Мы зарылись так глубоко, что обеспечили безопасность и зданию, и себе. Сначала вырыли большой котлован, и из него, с помощью проходческого щита, пошли вперед. Через неделю поставили первые тубинги, а на сегодняшний день пройдено сто тридцать пять метров штрека и работы ведутся прямо под аварийным реактором. Больше того, треть подушки, так мы называем фундамент, уже гото-

ва. А ведь это очень сложное сооружение. Дело в том, что подушка – отнюдь не монолитная плита, а своеобразный холодильник. Как он устроен? Покажем. Как раз сейчас на работу едет очередная смена, так что приглашаю.

Такого я еще не видел, хотя в шахтах был не один десяток раз. Горняки одеты в ослепительно-белые костюмы, белые шапочки и даже респираторы тоже белые. По опыту знаю, что работающие здесь ликвидаторы не любят, когда к ним пристают с вопросами люди, не побывавшие вместе с ними в зоне, не оказавшиеся под одним огнем. Не удивляйтесь, этот фронтовой термин здесь в ходу, и в условиях Чернобыля вполне уместен: огонь в районе АЭС хоть и не свинцовый, но разит не менее беспощадно. Так что пока тряслись в облицованном свинцовыми плитами автобусе, я помалкивал...

Остановились во внутреннем дворе АЭС и дальше двинулись пешком. Миновали первый блок, второй, а вот и стена третьего. Все чаще встречаются дозиметристы, которые чуть ли не ежеминутно измеряют уровень радиации, здесь он на порядок выше, нежели за пределами зоны.

Дощатый трап ведет в глубокий котлован. А там невероятная суeta. Размахивает ковшом экскаватор, с натугой упирается в отвал бульдозер, будто игрушку, поднимает огромное бетонное кольцо сверхмощный кран. Здесь же снуют десятки людей в белых костюмах. Все мокрые, потные, рубахи хоть выжимай.

– Поберегись! – раздался крик.

Я прижался к стене. А из штреха, казалось прямо на меня, летела вагонетка. Ее толкали два взмокших, перепачканных парня. С быстротой молнии они вывалили песок, бульдозер отгреб его в сторону, а экскаватор выбросил из котлована. На все ушло пять-шесть секунд, в течение которых ребята выпили по бутылке воды и снова нырнули в штрех. Я отклеился от стены, бросился за ними и тут же треснулся головой об какую-то перекладину. Когда погасли полетевшие из глаз искры, я наконец увидел, что штрех очень низкий и все люди ходят по нему, согнувшись в три погибели.

Не успел освоить этот метод передвижения, как снова раздался крик «Поберегись!», и я едва увернулся от летевшей прямо в мой лоб вагонетки. Только пролетела вагонетка, как, новое дело, пришлось вжиматься в стену, чтобы дать дорогу каким-то трубам, которые со скрежетом тащили по рельсам.

– Что это? – спросил я.

– Потом, – ответил Сергей Компанец, которому поручили быть моим проводником в этом царстве белых теней.

Но вот слабо освещенный штрех закончился, и мы оказались в просторной нише. Даже разогнуться можно.

– Где мы? – поинтересовался я.

– Прямо под аварийным реактором.

– Вы серьезно? – усомнился я.

– Серьезнее не бывает, – улыбнулся Сергей. – А что, страшновато?

– Если честно, да.

– Не волнуйтесь. Здесь чисто. До днища реактора несколько метров земли и вот эта бетонная плита.

– Та самая, которая является фундаментом всего здания? А вдруг не выдержит? Вдруг реактор провалится и всех нас раздавит?

– Если бы саркофаг, который будет весить сотни тысяч тонн, поставили на эту плиту, она, конечно бы, не выдержала, на такую тяжесть плита просто не рассчитана. Чтобы не случилось того, чего вы так опасаетесь, мы и делаем эту самую подушку. Вот она, прямо перед вами. Видите, она пронизана трубами, мы их называем регистрами. По этим трубам потечет жидкий аммиак, так что подушка будет и фундаментом, и холодильником. А охладить реактор – одна из главных задач.

Грохочет отбойный молоток, кладают лопаты, глухо тюкают топоры, вспыхивают огни сварки, постукивают на стыках колеса вагонеток... Дышать все труднее. Я тоже стал мокрый, а белый костюм заметно потемнел.

– Нормальное дело, – успокоил меня Сергей. – Это из-за отсутствия вентиляции.

– А почему ее нет?

– Чтобы вместе с воздухом не втащить сюда радиоактивную пыль. Работать, конечно, трудновато, поэтому смена у нас всего три часа.

– Больше не выдержать?

– Выдержать можно, но упадет производительность. А

здесь дорога каждая минута и так же дорог каждый куб земли, поэтому мы работаем круглосуточно, без праздников и выходных.

– А почему сейчас в простое?

– Это не простой. Технология такая. Мы давно могли бы выгрести землю из-под плиты фундамента, но тогда она повиснет над пустотой и треснет, а то и переломится пополам. Чтобы этого не случилось, шахтеры делают заходки по шесть метров, а следом идут арматурщики, монтажники регистров и бетонщики. Как только соберут регистры и залиют бетоном выбранную нишу под самый потолок, шахтеры идут дальше. Поэтому проходческая техника у нас образца 1930 года: отбойный молоток, кирка, лопата и вагонетка.

– А не тяжело после кнопок и рычагов современного комбайна?

– Ничего. Шахтеры народ привычный. Мы можем и на кнопки нажимать, а если надо, возьмем лопату.

Этот разговор происходил прямо под центром реактора, там даже метка стояла, что-то вроде мишени. И вдруг у меня мелькнула авантюрно-дерзкая мысль!

– А можно попросить сувенир?

– Смотря какой.

– Уникальный.

– Что значит уникальный? Лопату – пожалуйста, вагонетку – нельзя, – хохотнул Сергей.

– Лопата – материальная ценность. А этот сувенир не бу-

дет стоять ни копейки.

– Тогда гребите его лопатой, – сострил Сергей.

– Мне нужна не лопата, а отбойный молоток. Всего на несколько секунд, – добавил я, заметив удивление в глазах Сергея. – Можно я отколю кусочек бетона и возьму горсть земли из-под центра взорвавшегося реактора? Ведь через полчаса от этой ниши не останется и следа, все будет залито бетоном, а у меня сохранится обломок старого фундамента, до которого никто и никогда не доберется.

– Идея, мягко говоря, странная, – озадаченно посмотрел на меня Сергей. – Но раз вы так хотите... К тому же сейчас этот сувенир не стоит ни гроша, зато лет через сто за ним будут гоняться коллекционеры со всего мира, и ваши потомки сказочно разбогатеют. Валяйте, – пожал он плечами. – Надеюсь, насквозь эту плиту вы не пробьете и до днища реактора не доберетесь.

Я схватил отбойный молоток – и через минуту кусок бетона и горсть земли, завернутые в мешковину, были у меня в кармане.

– А что, неплохой сувенир, – окончательно одобрил мой выбор Сергей. – Чтобы его заполучить, надо побывать под реактором. Так что этот кусок бетона будет чем-то вроде удостоверения, свидетельствующего о том, что вы побывали там, где мало кто был. Тем более, из москвичей, – почему-то добавил он.

Полтора часа провел я в этой необычной шахте, не выка-

тил ни одной вагонетки, не брал в руки лопату, но устал дьявольски. А каково ребятам!

Когда закончилась смена и мы выбрались наружу, я искренне пожал руки Виктору Мелкозерову, Владимиру Доронкину, Юрию Чукаеву и Валерию Комову. Эти парни приехали в Чернобыль из самых разных концов страны, они опытейшие мастера своего дела, их с нетерпением ждут на родных шахтах, но они знают, сейчас они нужны здесь, на переднем крае борьбы за жизнь, поэтому работают, в лучшем смысле слова, по-стахановски.

– Вы не думайте, что попасть сюда так просто, – сказал на прощание Сергей. – На нашей шахте очередь. Так что ребята считают дни, когда я вернусь, чтобы заменить меня в этом штреке.

А потом я видел, как у шахтеров организовано, говоря официальным языком, моральное и материальное поощрение. Когда смена выбралась из штрека и все ребята помылись, переоделись и сытно пообедали, к ним пришел министр. Николай Сафонович, его заместители и начальники главков всегда рядом, их штаб в Чернобыле, там же они и живут. Надо ли говорить, как четко и оперативно решаются возникающие проблемы, если руководители в двадцати минутах езды от штрека, а если надо, спускаются под землю и решения принимают на месте.

Отличившихся, а отличились практически все, министр поздравил, вручил грамоты, ценные подарки, объявил, что

всем причитается денежная премия и, пожимая руки, сказал, что каждый из них – кандидат на представление к знаку «Шахтерская слава». Надо было видеть, как до смерти уставшие шахтеры подтянулись и приободрились, ведь эта награда у горняков одна из самых почетных.

Глава 7

Прощаясь с шахтерами, я думал, что прощаюсь и с АЭС, но так случилось, что через несколько часов я снова оказался на атомной электростанции. Еще в день приезда в Чернобыль я обратил внимание на дорожную стрелку-указатель «Пионерлагерь „Сказочный“». Я знал, что там живут рабочие, инженеры и техники, обслуживающие АЭС, хотел с ними познакомиться, но дел было так много, что эту поездку отложил на потом.

И вот это «потом» наконец-то наступило... Ухоженная территория, напоенный хвойным ароматом воздух, неторопливо прогуливающиеся люди. Даже не верится, что в полчаса езды отсюда исторгающий смерть реактор, что случилась беда, так или иначе затронувшая миллионы людей.

На самом видном месте – доска объявлений. Коротенькие записки, кто-то кого-то ищет, сообщает, где он сам. Так получилось, что во время эвакуации из Припяти не все смогли сообщить свои новые адреса: кто-то был на работе, кто-то в отпуске или в командировке. И вот теперь люди ищут друг друга.

А рядом с записками письма. Одни предлагают материальную помощь, другие – жилье на лето, третьи предлагают свои услуги в ликвидации последствий аварии. Ветеран войны из Таджикистана Аронкул Химкулов пишет, что выслал

деньги и просит их получить в почтовом отделении Чернобыля. Девятилетний ленинградец Гена Варазин неровно, но от души, нацарапал всего две сточки: «Я еще маленький и ничем не могу помочь. Зато на даче у нас просторно. Приезжайте к нам на лето!» Одна юная одесситка просит принять ее на работу телефонисткой. «Ведь без связи не обойтись!» – восклицает она.

Жители Челябинска, Барнаула, Сочи и многих других городов предлагают свои квартиры, дачи, садовые участки. Молодой человек из литовского города Снечкуса, подписавшийся только именем Юрис, совсем краток: «У меня первая группа крови, резус-фактор отрицательный. Хочу помочь хотя бы этим».

А потом я встретился с собиравшимися на работу атомщиками, которые обслуживают реактор первого блока. Я думал, что придется долго уговаривать, чтобы взяли меня с собой, но вопрос решился мгновенно.

– Садись, – пригласили меня в автобус. – Только потом не говори, что привезли тебя силой.

Я хотел понимающе бодро улыбнуться, но улыбка получилась какой-то натянутой, а перед самой ступенькой я вдруг споткнулся.

– Плохая примета, – односложно бросил кто-то.

– Хуже не бывает, – подхватил водитель. – Или на гвоздь наедем, или откажут тормоза и врежемся прямо в четвертый блок.

– Я тебе врежусь! – начальственно пробасил человек с заднего сиденья. – Так врежу, что проглотишь респиратор! Шутники хреновы, – продолжал он более миролюбиво. – Забыли, как двадцать шестого драпали чуть ли не до самого Киева и как потели, когда заставили выйти на работу? Тот же... Теперь-то, конечно, привыкли, а первый день дался непросто, – обернулся он ко мне. – Представляете, нам надо было обслуживать точно такой же реактор, какой только что взорвался. А ну, как и наш? И что тогда? Одно дело, когда не знаешь, что сидишь на пороховой бочке, и совсем другое, когда залезаешь на нее сознательно.

Тем временем облицованный свинцом автобус на всех парах несся по уже знакомой дороге. Миновали порыжевший от выбросов лес, проскочили по мосту, а вот и административно-бытовой корпус. Знакомая проходная – и через несколько минут я оказался в просторном, светлом зале, где размещен центральный щит управления. Картину я увидел, прямо скажем, необычную. Один парень, обливаясь потом, что есть духу крутил педали велотренажера, а другой из последних сил подтягивался на перекладине.

– Ну и ну, – удивился я. – Это что же, производственная гимнастика?

– Ага, – кивнул велосипедист.

– В нашем деле без спорта нельзя, – переводя дыхание, подхватил гимнаст. – Сидишь целый день в кресле и неводишь глаз с датчиков и стрелок. И растолстеть можно, и вни-

мание ослабевает. Вот мы и установили тренажеры.

Начальник смены Владимир Игнатенко начал было с карандашом в руках отвечать на мои вопросы, что здесь и где расположено, как работает реактор, что показывают многочисленные стрелки, а потом вдруг отбросил карандаш и резко встал.

– Лучше один раз увидеть, чем семь услышать. Так? Пойдемте к реактору, и я все покажу на месте. Он точно такой же, как и четвертый, только установлен несколько иначе.

Длинные коридоры, извилистые переходы, крутые лестницы, массивные стальные двери, узкий трап, ведущий куда-то вниз, и вот мы в огромном, пустом зале. Совершенно пустом, если не считать какой-то диковинной машины, упирающейся в самый потолок. Оказывается, это разгрузочно-загрузочная машина, с помощью которой, причем управляя ею дистанционно, с безопасного расстояния и из безопасного места, загружают реактор топливом.

Я обратил внимание на длинные-предлинные стержни, которые висят вдоль стен – это и есть то самое топливо. Правильное название этих стержней – тепловыделяющие сборки, или, попросту, тэвээски.

Вокруг стерильная чистота, ничего лишнего и ничего таинственного, вызывающего восхищенный трепет.

Потом мы долго ходили по наборно-многоцветной крыше реактора, и Владимир Михайлович терпеливо объяснял, что какой квадрат означает и почему он выкрашен в тот или

иной цвет. В общем-то, ничего сложного, даже гуманитарии понимают, что к чему. Но когда я спросил увлеченно читающего лекцию специалиста, что же произошло с реактором четвертого блока, почему он вдруг взбунтовался, Владимир Михайлович сразу помрачнел.

– Разбираемся... Проблема в том, что в помещение четвертого блока невозможно войти, излучение там настолько сильное, что человек не выдержит и минуты. Но когда реактор утихомирится, мы обязательно разберемся! Ведь запущен он был в декабре 1984-го, почти полтора года работал как часы...

И вдруг Владимир Михайлович что есть силы топнул по крыше реактора, и его голос зазвенел:

– Эта чертова кастрюля унесла не один десяток жизней наших товарищей. Какие это были люди! Если б вы знали, какие это были люди и какие классные специалисты! Видимо, атомная энергетика – еще не до конца прочитанная книга, ее надо читать и читать. А за науку приходится платить, к сожалению, иногда и жизнью. Одно могу сказать, если бы ни самопожертвование операторов, инженеров и техников, сделавших все, что от них зависело и заплативших за это своей жизнью, размеры бедствия были бы гораздо больше.

Потом мы побывали у щита управления вторым блоком и даже третьим, он так близко от четвертого, что находиться долго там не рекомендуется. Когда Владимир Михайлович взглянул на дозиметр и сказал, что пора уходить, я буквально

ВЗМОЛИЛСЯ.

– Минутку, – попросил я, – всего одну минутку.

– Зачем? Вы же все видели.

– Хочу потрогать стену.

– Какую еще стену? – не понял он.

– Ту самую, которая отделяет третий блок от четвертого. Ведь это же стена жизни. Вернее, стена, которая отделяет смерть, поселившуюся там, судя по всему, надолго.

Владимир Михайлович как-то особенно внимательно заглянул мне в глаза, подумал и резко схватил за руку.

– Я вас понял. Одобряю. Пошли! Только быстро.

Стена была теплая и, как мне показалось, тоньше папиросной бумаги. С той стороны – смерть, неотвратимая, беспощадная, мучительная смерть. А с этой – жизнь, жизнь в самом высоком смысле этого слова. Но ведь она состоит из многих и многих жизней самых обыкновенных людей, тех, что оставили свои очаги, дома, семьи и вступили в схватку со смертью. Так или иначе, но они ее победят! А мы этих людей назовем героями, ведь за наше право жить они заплатили своими молодыми жизнями.

Глава 8

– Дежурный наряд для несения службы в Припятском городском отделе внутренних дел построен, – доложил капитан милиции Стоцкий.

– Состав наряда? – уточнил командир.

– Лейтенант Яковлев – дозиметрист, старшина Киричек – постовой, рядовой Дубилей – водитель бронетранспортера, капитан Стоцкий – старший наряда.

– Одежду, обувь, мегафон, аптечку, респираторы, запас горючего – все проверили?

– Так точно.

– Тогда счастливо... Повнимательнее там, особенно у пристани и на улице Дружбы народов. Без дозиметриста – ни шагу!

– Есть. В машину! – скомандовал капитан.

Когда бэтээр набрал скорость и понесся как гоночный автомобиль, капитан спросил:

– Кто-нибудь в Припяти бывал?

Оказалось, что никто, кроме дозиметриста.

– У меня там семь контрольных точек, – сказал он. – Уровень радиации не везде одинаковый, на Спортивной меньше, а на улице Дружбы народов гораздо больше.

– Почему?

– Тут и близость к АЭС, и степень выброса, и интенсив-

ность дезактивации – причин много, в том числе и не до конца понятных.

– Внимание, последний КПП, – заметил капитан. – Теперь мы одни, впереди – ни души.

Поворот, крутой подъем, мост...

– Здесь нажми, – бросил дозиметрист водителю, – а то стрелка понеслась вправо. На мосту и сразу за мостом большой выброс радиоактивной дряни.

– Задраить люк! – приказал капитан.

Да, выброс здесь действительно серьезный, стрелка дозиметра уперлась в последнее деление, и прибор зашкалило. Минута невероятной тряски – и стрелка поползла влево. Визг тормозов, резкий разворот, и бэтээр остановился около здания Припятского горотдела милиции.

Мы выпрыгнули на асфальт, размяли ноги и вошли в помещение дежурной части. Чистота, порядок, ни разбросанных бумаг, ни опрокинутых стульев, иначе говоря, никаких следов торопливой эвакуации или панического бегства. На стене рельефная карта города и его цифровая характеристика. Территория – 5,7 кв. км, население – 45 тыс. человек, улиц – 11, их общая протяженность – 12 км, сберкасс – 3, ресторанов, баров, кафе – 10, домов культуры, кинотеатров, танцплощадок – 3, общежитий – 23, медвытрезвителей – 2.

Цифровая характеристика города, безусловно, могла бы быть полнее, но, как я понял, это те цифры, которые милицию интересуют прежде всего.

В вестибюле – цветные фотографии участковых инспекторов, которые отвечают за те или иные объекты. Многие из них сейчас в госпиталях.

– Я готов, – доложил дозиметрист. – Вперед?

– Вперед!

Мы вышли на улицу Леси Украинки и не спеша двинулись по странновато искрящемуся асфальту. Сзади потихоньку катил бэтээр.

– Зачем? – поинтересовался я.

– Чтобы было куда бежать, если наткнемся на сильно зараженный участок, – ответил капитан.

– Вы серьезно?

– Абсолютно! Поправьте респиратор и, что бы ни случилось, не вздумайте снимать. Это приказ!

Чисто вымытая, с зелеными газонами и раскидистыми деревьями улица вела к лесу. Он здесь тоже порыжевший, значит, как здесь говорят, грязный. У светофора повернули на проспект Строителей.

– Секундочку, – попросил я, останавливаясь на перекрестке.

– Что случилось?

– Хочу сфотографировать светофор.

– Вы что, никогда не видели светофора? – съязвил капитан.

– Такого не видел не только я, такого не видел никто.

– И что же в нем особенного?

– Вы только посмотрите на эту странную картину: ни одной машины, ни одного пешехода, а он исправно переключается с зеленого на желтый, а потом на красный. Как он работает? Город-то обесточен. И кому дает дорогу, кого просит задержаться?

Несколько недель спустя, когда я уже был в Москве и проходил углубленный медосмотр, врач поинтересовался, вижу ли я сны, и если да, то какие?

– Меня преследует светофор, – честно признался я. – Причем неисправный.

– Что значит, неисправный?

– Каждую ночь он вспыхивает в голове, но почему-то без зеленого глаза. Он все время предупреждает и запрещает, предупреждает и запрещает... К чему бы это?

– К тому, что надо лечиться, – вздохнул врач.

Месяца через два светофор погас, так и не пытаясь зажечь на моем пути зеленый свет. Но это было позже, значительно позже... А пока что мы шли по проспекту Строителей и любовались недавними новостройками: одна сторона проспекта уже застроена, а на другой – котлованы, стены в три-четыре этажа, замершие краны, брошенные бульдозеры.

Идем дальше. Проверяем, насколько надежно заколочены подъезды, смотрим, нет ли выбитых окон. Есть! Два окна на четвертом этаже. Но они не выбиты, а просто распахнуты. Беззаботно полощутся занавески в веселый горошек, на балконе после стирки развешивается детская маечка. А по сосед-

ству, вне всяких сомнений, жил рыбак: вся лоджия увешана вяленным судаком.

– Стоп! – поднял руку дозиметрист. – Здесь моя точка. Надо произвести замер.

Он тщательно измерил уровень радиации на асфальте, на земле и даже в метре от нее. Разница большая, на земле уровень радиации гораздо выше.

– Порядок, – удовлетворенно вздохнул дозиметрист. – Сегодня на несколько делений меньше, чем два дня назад.

На улице Героев Сталинграда всполошился старшина Киричек.

– Открыта дверь почтового отделения!

Действительно, наружная дверь нараспашку, но внутренняя заперта надежно.

– А как со сберкассами, банками, ювелирными магазинами? – поинтересовался я. – Не было желающих их посетить, пока на весь город три милиционера?

– Не было. А если и были, то до Припяти не добрались. Вы в угрозыске спросите, там наши коллеги работают днем и ночью, а раз работают так напряженно, значит, дел немало.

Около торгового центра дозиметрист снова достал свои приборы, и снова на асфальте одно, а на газоне совсем другое.

– Почему? – спросил я.

– С асфальта радиоактивную пыль смыли, а на земле и в траве ее видимо-невидимо. Сейчас проведем эксперимент, –

оживился лейтенант. – Коля, лопату! – попросил он. – Итак, измеряем уровень радиации на газоне. Засекли? Теперь вместе с травой снимаем верхний слой земли. Много не надо, сантиметров пятнадцать, не больше... Так, хорошо. Смотрим на прибор. Ну что скажете? В десять раз меньше! – победно воскликнул дозиметрист.

– И что из этого следует? – не понял я.

– А то, что бороться с радиацией можно, и город мы очистим, снимем верхний слой земли – и все дела!

На просторной площади наше внимание привлек сиротливо стоящий «запорожец».

– Может, угоним и покатаемся по городу? – с показной серьезностью предложил старшина.

– Ага, и прямо на нем в госпиталь, – мгновенно отреагировал лейтенант и засунул в открытое окно свой дозиметр. – Видишь, что там творится? «Запорожец» буквально набит радиоактивной пылью.

– Тогда угонять не будем, – передумал старшина. – Повезло мужику, вернется, а машина на месте.

– Вернется, – вздохнул капитан. – Когда-то он вернется? Вот что, хлопцы, – деловито продолжал он, – давайте-ка проверим пару квартир. Тебе, я думаю, будет интересно, – обратился он к дозиметристу. – Если такая чертовщина в машине, то что же тогда творится в квартирах?! Окна-то во многих открыты...

– Отличная мысль. Я готов!

– Я, конечно, тоже готов, – ворчливо заметил старшина. – Только как бывший участковый я против того, чтобы взламывать двери. Войдем только в те квартиры, двери которых открыты.

– Вот что значит участковый с Доски почета! – хохотнул капитан. – Он всегда стоит на страже интересов трудящихся своего района.

Как оказалось, незакрытых дверей в Припяти много, ведь эвакуация проходила в бешеном темпе, и свои жилища люди покидали торопливо.

В одной квартире посреди большой комнаты мы увидели накрытый стол: вина, коньяки, изъеденная плесенью ветчина, засохший пирог, расплывшийся торт. В другой – полная ванна белья: замочить его хозяйка замочила, а постирать не успела. В третьей, как видно, танцевали, на проигрывателе стоит пластинка с замершей где-то посередине иглой.

И что самое ужасное, во всех квартирах жуткая вонь. Мы не сразу поняли ее происхождение, и лишь когда заглянули в холодильник, все стало ясно. Город давно обесточен, холодильники не работают, а мясо, масло, рыба и тому подобное были практически в каждом холодильнике. Продукты испортились, завелись какие-то мерзкие черви – и все это источало ту самую вонь.

– Ну что, чего ты там намерял? – поинтересовался капитан, когда мы, зажимая носы, вышли на улицу.

– Как ни странно, ничего страшного, – не без доли удив-

ления ответил дозиметрист. – В квартирах уровень радиации гораздо ниже, чем на улице, причем даже в тех, где открыты окна. Это очень интересно, и я сегодня же доложу об этом специалистам из НИИ. А теперь – к причалу! – заторопился он. – Там у меня самая интересная точка.

Как оказалось, причал чуть ли не в двух шагах. Но когда мы сделали эти шаги, стрелка дозиметра стремительно двинулась вправо.

– Назад! – воскликнул лейтенант.

– Две минуты, – попросил я. – Всего две. Сбегаю на пристань – и обратно. Всего один снимок.

– Валяй! – разрешил капитан. – Но только мигом, одна нога здесь, другая там. И наоборот.

У меня сто двадцать секунд, до причала тридцать метров, а я не могу сделать ни шага. Время шло, а я стоял. Стоял и не мог проглотить застрявший в горле комок. Стыдно в этом признаться, но я ничего не мог с собой поделать. А виной тому красная детская коляска. Совсем маленькая, та, в которой ребят возят сидя.

Площадь перед причалом, обвалованные берега, дебаркадер с надписью «Припять» и в самом дальнем углу – крохотная детская коляска. Я представил, как торопились в день эвакуации люди, какая здесь была давка. Кто-то тащит чемодан, кто-то узел с одеждой, а молодая мать захватила лишь самое дорогое – ребенка. Она никак не может скатить по сходням коляску, вещь-то нужная, ребенок уже подрос, на

руках не натаскаешься. Но не пробиться! Тогда мать выхватывает ребенка, прижимает его к груди и вдавливается в толпу. А никому не нужная коляска катится в сторону.

Долго ей здесь стоять, очень долго... Вот ведь беда-то какая! Как больно она хлестнула по людям. Сорок пять тысяч жителей были эвакуированы из Припяти, люди уезжали, не взяв с собой самого необходимого, ведь им сказали, что они уезжают всего на три дня. Многие остались без денег, без документов, без смены белья, без теплой одежды.

Три дня превратились сначала в три недели, потом в месяц и не исключено, что превратятся в годы. Но вот что характерно, никто не брюзжит, не ворчит, не закатывает истерику. Люди понимают, – случилась беда, и переносят ее достойно. Правда, не все. Я знаю имена дезертиров и трусов, которые драпали из города, набив служебные машины гарнитурами, продуктами и барахлом. Их разыскивали по всей стране, потому что они забивались в самые темные норы, но находили и наказывали по всей строгости закона.

Находились мерзавцы и похлеще дезертиров. Откуда-то из глубин преступной мути всплыли выродки, которые на всеобщей беде пытались нажиться. Вот факты, проверенные, запротоколированные факты, которые сообщил начальник отдела УБХСС МВД Украины подполковник милиции Николай Красножон, с ним я встречался незадолго до поездки в Припять.

– На складах, базах и в магазинах Припяти товаров ле-

жит на многие миллионы рублей. Все это можно было вывезти, но возникли непредвиденные трудности, так как материально ответственные лица исчезли из города и разбежались по всей стране, многих до сих пор не можем найти. Немало работы у милиции и в местах расселения эвакуированных из Припяти людей, там тоже нашлись хапуги и проныры, пытавшиеся сколотить капитал на постигшем людей несчастье. Например, руководители Иванковского молочно-го комбината припрятали двадцать пять ящиков масла, а в продаже его нет. В кафе «Кринички» обнаружено излишков продовольствия на несколько тысяч рублей, а людям нечего есть. В Бородянском и Иванковском районах была попытка хищения двухсот тонн бензина, а машины простаивают из-за недостатка горючего.

– И что дальше? Какова судьба этих отморозков? Их задержали?

– Конечно, задержали. Их дела уже в суде и, думаю, они получат по заслугам.

– А что это за история с прохиндеями, которые торговали гуманитарной помощью? Об этом ходит немало слухов.

– Были и такие, – хрустнул сломанным карандашом подполковник. – В Бородянском районе мы буквально за руку схватили продавца, который должен был бесплатно раздавать эвакуированным людям трусы, майки и рубашки, а он ими торговал. Такой же случай был в Страхоlesье. Буфетчик получил тысячу банок консервов, чтобы раздать людям, а он

их продавал. Нашлись деляги, которые припрятывали муку, чтобы продавать ее по завышенным ценам, а в селах не из чего печь хлеб. По этим фактам тоже возбуждены уголовные дела.

– Не сидят без дела и работники угрозыска, – подключился к беседе полковник милиции Виталий Гора. – Дело в том, что появились гастролеры, которые пытаются проникнуть в нашу округу из других областей. Неохраняемые магазины, квартиры, склады – все это привлекает наиболее рискованных представителей воровского мира. Мы их перехватываем на въезде в зону, и до Припяти и Чернобыля стараемся не допустить. Но, судя по тому, что случаи воровства, грабежа и даже изнасилований зафиксированы, сеть, которую мы поставили, с дырками.

– Говорят, что было немало случаев мародерства, а милиция, задерживая преступников, расстреливала их на месте.

– Нелепейший слух! Со всей ответственностью заявляю, что сотрудники милиции ни в кого не стреляли. А слух родился, скорее всего, вот почему. Время от времени жители эвакуированных сел, минуя КПП, пробираются в свои дома, то огород прополоть, то из погреба что-нибудь достать. Возится он потихоньку в огороде, а тут вдруг стрельба, да такая, что селянин со всех ног удирает в лес. Соседям, само собой, рассказывает, что видел людей с ружьями в руках. Людей с ружьями он видел, но не более того. А эти люди – охотники. Дело в том, что мы были вынуждены обратиться в общество

охотников, чтобы прислали снайперов для отстрела одичавших собак, сбиваясь в стаи, они стали очень опасны.

Я вспомнил эти беседы, шагая по улицам Припяти, на первый взгляд, совершенно беззащитным. Но это только на первый взгляд, на самом деле эвакуированные жители города могут быть спокойны – эта беззащитность кажущаяся, так как город находится под надежной охраной.

Закончив обход нескольких улиц и произведя контрольные замеры радиоактивности, наша группа вернулась в здание горотдела. Вроде бы ничего особенного не делали, а устали неимоверно. Старшина достал из бэтэера термос с крепко заваренным чаем, и мы с удовольствием растянулись в пустующих креслах.

– Скажите, капитан, – потягивая отдающий мятой чай, спросил я, – а где хозяева этого дома? Где люди, которые здесь служили?

– Одни в госпиталях, другие в Полесске, третьи там, откуда не возвращаются, – печально вздохнув, ответил капитан Стоцкий, – ведь сотрудники милиции уходили из города последними. Когда колонна автобусов скрылась за мостом, они проверили квартиры, пляжи и близлежащий лес, потом опечатали магазины, сберкассы и банки, а на это, как вы понимаете, ушло много времени. Короче говоря, кое-кто получил серьезные дозы радиации. А те, кто здоровы, находятся в Полесске, там размещен своеобразный филиал Припятского горотдела милиции.

А вскоре, как раз к тому моменту, когда опустел термос, приехала смена. Наш наряд город сдал, другой – принял. Мы нырнули в бэтээр и помчались в Чернобыль. Все изрядно устали, намяли ноги, хотелось побыстрее принять душ и переодеться, но у моста дозиметрист, вместо ожидаемого «Нажми!», коротко бросил.

– Стоп!

Я заметил, как ошалело помчалась стрелка дозиметра вправо, крикнул: «Куда?», но лейтенант Яковлев уже выскочил из бронетранспортера.

– Здесь редко измеряют, – спокойно сказал он, – а ездят часто... Ну вот, так я и думал, – удовлетворенно заметил лейтенант, следя за бегом стрелки. – Общий фон – куда ни шло, а по земле лучше не ходить. Придется верхний слой снимать. А теперь нажми! – бросил он водителю, влезая в бэтээр.

И – все! Удивительное дело, ведь лейтенанту Яковлеву никто не приказывал выпрыгивать из бронетранспортера, да еще в том месте, которое все стараются проскочить побыстрее. Никто не требовал замера уровня радиации на земле, а между тем все знают, что выброс здесь такой мощный, что лес около дороги пришлось вырубить, так как он тоже стал опасным. Лейтенант Яковлев сам себе приказал проверить очевидную истину: раз земля заражена сильно, значит, надо убрать верхний слой.

Часа через полтора я слышал, как это предложение лейте-

нанта обсуждалось руководством. Думаю, что теперь дорога на Припять станет безопаснее.

Глава 9

А моя дорога лежала в Полесск. Пока что Припятский городской отдел милиции размещен в школе. Одни классы переоборудованы в спальни, другие – в лаборатории, третьи – в служебные кабинеты. Вначале я встретился с заместителем начальника Припятского горотдела капитаном Стельмахом. Наша беседа проходила в одном из таких классов под пристальным оком Ушинского, Макаренко и Сухомлинского. Капитан вымотан до предела, лицо черное, глаза красные, губы в трещинах.

– Трудновато? – посочувствовал я.

– Ничего, выдюжим. Быстрее бы личный состав собрать. Многие еще лечатся. Как ни странно, довольно много добровольцев, заявления идут со всей Украины. Но мы хотим сохранить костяк горотдела. И название! – повысил он голос. – Ведь из боя мы вышли с честью.

– Как же все это случилось? – осторожно спросил я, понимая, что вспоминать пережитое – дело непростое.

– Как? – переспросил Анатолий Петрович и устремил взгляд куда-то за окно, за лес, к родной Припяти. Ему, выпускнику Киевского политехнического института, работнику АЭС, а потом сотруднику милиции, эти воспоминания особенно трудны. – Той ночью многие из нас были на дежурстве, – заметно волнуясь, начал он. – А через пятнадцать ми-

нут после взрыва подняли по тревоге и тех, кто был дома. Пожарные тут же умчались тушить огонь, умчались – и не вернулись. Какие это были ребята! – сжал он виски. – Мы подозревали, что взрыв на АЭС – это необычный взрыв, а когда по улицам забегали дозиметристы, все стало ясно.

Решения об эвакуации еще не было, но мы чувствовали, что оно будет, и начали готовить личный состав. Прежде всего выставили усиленные наряды ГАИ, чтобы никого не пропускать в город. Как потом оказалось, наши люди стояли в самых опасных местах, у поворота с трассы на АЭС и у моста. Довольно быстро их стало пошатывать, усилилось сердцебиение, кружилась голова. Чтобы хоть как-то им помочь, мы чуть было не сделали глупость – выдали противогазы. Представляете, какая поднялась бы в городе паника, если бы среди ничего не подозревающих жителей появились милиционеры в противогазах?! Слава богу, ребята сами сообразили, что к чему, и ни один из них противогаза не надел.

Когда ничего не знаешь и ходишь по улицам незащищенным – это одно, а когда все знаешь, имеешь средство защиты и сознательно отказываешься им воспользоваться – это совсем другое. Золотые у нас ребята, в те трудные часы не дрогнул ни один!

Колоссальным испытанием была организация эвакуации. Оповестить всех жильцов, обойти квартиры, не забыть купальщиков, рыбаков и грибников, успокоить женщин и детей, уговорить стариков, которые не хотели трогаться с места

– были и такие, что запирались и не открывали двери, разработать безопасные и в то же время скоростные маршруты движения – все это легло на плечи милиции.

Когда скрылся последний автобус, мы еще раз обшарили город, убедились, что он пуст, и поняли, что настал наш черед. Дело прошлое, но уезжали со слезами на глазах. Уже на выезде из города, когда позади остался последний дом, мне вдруг ударило в голову, что я не проверил своих сотрудников по списку. Начал проверять – и чуть было не шлепнулся в обморок! Одного человека не хватает. Мы потеряли Шундика, старшину Шундика. Кинулись к нему домой – закрыто. В горотдел – пусто.

И вдруг с заднего двора горотдела донесся собачий лай. Прибежали – и не поверили своим глазам. В вольерах у нас было двенадцать служебно-розыскных собак, в том числе и Вега старшины Шундика. Глядим, а Иван моет, чистит и скоблит собак.

– Ты что, рехнулся? – заорали мы на него. – Дорога каждая минута, а ты с собаками. Что ты там делаешь?

– Дезактивирую, – продолжая свое дело, ответил он. – Собак надо вывезти.

До собак ли тут, подумал я, но когда увидел его глаза, понял, что лучше не возражать. Когда грузили собак, я заметил, что Вега еле шла. Иван взял ее на руки – мокрую, скулящую, протиснулся в автобус, взгромоздился на сиденье, но Вегу с рук так и не спустил...

– Потом я попал в госпиталь, – открывая бутылку нарзана, закончил капитан.

– А Вега? Что с Вегой? Что с Иваном?

Капитан Стельмах отвернулся, довольно долго смотрел на стену, а потом сказал, скучно сказал и как-то вымученно.

– С Иваном все в порядке. Он только что из госпиталя.

Про Вегу капитан не сказал ни слова.

– Иван во дворе. Вон он, на скамеечке, – кивнул за окно Стельмах.

Я вышел во двор. Кто-то чистит мотоцикл, кто-то моет машину, кто-то возится в моторе – все что-то делают, все при деле, лишь один старшина Шундик отрешенно сидел под деревом. Он явно не знал, куда деть свои жилистые, крестьянские руки: то засовывал их под себя, то клал на колени, то пристально разглядывал царапины и ссадины.

– Здравеньки булы, – поприветствовал я его по-украински, надеясь вызвать улыбку.

– Булы, – вздохнул он и продолжал по-русски: – Все мы были когда-то здоровы.

– А что, теперь есть проблемы? Я слышал, вы только что из госпиталя. Что там сказали?

– Раз отпустили, значит, буду жить.

– А как идет служба?

– Нормально. Хожу, езжу, патрулирую.

– Вместе с Вегой?

Иван вздрогнул, а лицо передернула гримаса боли! Но он

взял себя в руки.

– Нет Веги, – каким-то серым голосом сказал он.

– Как это, нет? – не понял я. – Вы же ее вынесли.

– Вынес. И других собак вывез.

– Ну! И что дальше?

– А дальше... Дальше врачи вынесли приговор. Обречена была Вега! – сорвался на крик Иван. – Пока мы бегали по кустам да искали грибников и рыбаков, она нахваталась этих чертовых рентген. Я-то что, помылся, переоделся – и как огурчик. А шкуру-то не снимешь. Мыл я ее, мыл, все порошки извел, чистая вроде собака, а поднесешь дозиметр – зашкаливает. Шататься она стала. И нюх потеряла. Идет-идет, а потом вдруг заспотыкается, закрутится на месте, сядет да как завоет, что, мол, со мной такое? Всю душу выворачивает!

Стесняясь набежавших слез, Иван вскочил со скамейки, подбежал к парню, который мыл машину, выхватил у него шланг и окатил голову холодной водой.

– У вас закурить не найдется? – хлопая себя по карманам, подошел он к скамейке.

– Не курю, – виновато развел я руками.

– Господи, я же тоже бросил, – хлопнул он себя по лбу. – Уже два года, как бросил. Вега помогла, она от дыма чихала, причем как-то уморительно и сериями раз по двадцать. Ребята заливаются от хохота, другие собаки воют как над покойником, а мне ее стало жалко. Все, сказал я себе, выбирай:

или курево, или собака. Я выбрал собаку и больше не курил.

— Вы сказали, что Вега стала шататься и потеряла нюх, — вернул я Ивана на землю.

— Потеряла. Все потеряла... Врач говорит, не мучай ты ни себя, ни собаку, сделаю, дескать, ей укольчик — и все дела. Но я не дал и послал его куда подальше вместе с его укольчиком. Опять мыл, скоблил — не помогает. Тогда я решил ее постричь, наголо. Но не успел, меня забрали в госпиталь. А вернулся — Веги и след простыл. Я туда-сюда, расспрашиваю встречных и поперечных, не видели ли, мол, мою Вегу — никто ничего не знает. Эх! — ударил он себя по колену. — Час назад сказали, что Вегу усыпили. Других собак — тоже, чтобы не страдали. А машинку я достал, электрическую. Если бы чуть раньше, глядишь, постриг бы Вегу — и она бы жила... Как же теперь быть-то, а? — как-то по-детски всхлипнул Иван.

Я молчал... Да и что я мог ему сказать? Я прекрасно понимал состояние Ивана, ведь собака для настоящего проводника — это не просто животное, это друг, это ребенок, это существо, преданность и верность которого не знает границ. Сколько вложено в такую собаку сил, терпения и ума! А сколько жертв пришлось принести! Пустяк вроде бы — покормить. Но ведь ни от кого другого, кроме хозяина, она ничего не возьмет. Так что где бы ты ни был — в отпуске, командировке, на собственной свадьбе или похоронах друга, а два раза в день явись с бачком каши.

Опускался вечер. Стихла возня во дворе школы. Тихо переговаривались струны гитары, и так же тихо хриплые мужские голоса бережно несли песню. Эту песню о прекрасном юном городе, о городе науки и любви, о городе, который всю жизнь будет сниться по ночам, сочинили три сотрудника милиции, и она стала своеобразным гимном всех, кто хотя бы один день жил в Припяти.

Тебя мы всегда беззаветно любили,
Как первенца сильного, наша ЧАЭС,
Навеки с тобой, губы сладко твердили,
Наш город родной, наша речка и лес.

А двадцать шестого, чуть дальше за полночь
Такое случилось, что страшно сказать,
Взорвался реактор четвертого блока
И город живой нужно срочно спасать.

Сержант, здесь твой пост,
Будь геройски спокоен,
Ребенка возьми, помоги той жене,
Чей муж по колено в горящем гудроне
Брандспойт еле держит в смертельном огне.

А в самом конце песня набирала силу. Последнюю строфу пели как клятву!

Стряхну я с погон этот стронций смертельный

И вспомню тебя, дорогая моя.

Начнем все сначала, как с первого вздоха

Как с первого колышка, Припять моя!

Я хотел было сказать, что эта песня мне знакома, что сочинил ее летчик, что зовут его Павел Макеев. Но потом подумал, что слова этой песни хорошо известны, они были опубликованы в местной газете. А мелодия – не та, что сочинил лейтенант Макеев, а совсем другая. Ничего удивительного, если где-то в другом месте ее запоют на какую-нибудь популярную мелодию, вроде песни о трех танкистах.

Такая вот песня... Бесхитростные, простые слова, но сколько в них силы, правды и любви. В который раз убеждаешься в правоте фронтовиков: без многого можно обойтись на поле боя, но не без песни. Чуть свободная минутка, чуть отмякла душа – и сердце просит песни.

А на следующий день я узнал, что в Полесском райотделе милиции есть три служебных собаки, хозяева которых в госпиталях. Как ни пытались передать их другим проводникам, ничего не получалось – чужих собаки к себе не подпускали. У меня родилась идея познакомить с ними Ивана, чем черт не шутит, а вдруг он подберет ключик к одной из собак. Ивану я ничего не сказал, и он не знал, зачем я пригласил его в Полесск. Лишь когда подошли к вольерам, я, как бы между прочим, бросил, что здесь находятся три собаки,

с которыми никто не может установить контакт. А интересы службы требуют, чтобы псы не прохлаждались в вольерах, а работали на земле.

Иван напрягся! Он-то знал, что это глубокое заблуждение, будто человек выбирает собаку, чаще бывает наоборот, или собака на всю жизнь выбирает себе хозяина, или ничего путного из их псевдодружбы не получится.

Два здоровенных кобеля, роняя с клыков пену, бросились на сетку, едва Иван подошел к дверце. Он пытался поговорить, подкормить – в ответ лишь грозный лай и злобный хрип. Так же злобно вела себя и Пальма, но ее выдавал хвост, лаять-то она лаяла, но при этом не стегала себя по бокам, а извинительно виляла хвостом. Надоело ей, видно, взапери, да и без хозяина, без настоящего дела, когда стрелой летишь по следу, что за жизнь?!

Рядом висел поводок. Иван на секунду зажмурился, решительно открыл дверцу и пристегнул поводок к ошейнику. Мгновение! Но как чувствуют его собаки, враг пришел, охотник пообщаться или хозяин. Пальма замерла и взъерошила загривок! Стройная, легкая, прекрасного черно-серого окраса, она без труда могла взлететь на грудь, а там недалеко и до горла, но раздался строгий голос: «Рядом!».

Пальма все поняла – это хозяин. Она послушно выскочила из вольера и с визгом начала носиться на длинном поводке – уж очень засиделась в тесном закутке.

Иван дал ей побегать, проверил реакцию на команды: «Го-

лос! Ко мне! Сидеть!» – и устало опустил на траву. Он еще не верил в удачу, не верил, что жизнь повернулась к нему светлой стороной, но в глазах уже загорелся азартный огонек, опущенные плечи распрямились, а руки привычно крепко сжимали поводок. Уголком глаза он все время следил за Пальмой. А та побегала, побегала, потом подошла к хозяину, аккуратно подобрав хвост, села рядом и... лизнула его в ухо.

Порядок, обрадовался я! Теперь им жить и работать вместе.

Глава 10

Еще вчера я куда-то бежал, ехал, летел, но настало утро, когда пришлось расставаться с Чернобылем и чернобыльцами. Странное дело, но было грустно, здесь так крепко прикипаешь к прекрасным людям и их большим делам, что расставаться трудно. Но вот позади крепкие рукопожатия, дружеские объятия – и машина мчится в сторону Иванкова. Здесь последнее переодевание, оставляешь то, что носил в Чернобыле, достаешь из пластикового мешка свою одежду, садишься в другую машину – и в Киев.

Посты ГАИ проскочили без проблем, а вот строгие дозиметристы взялись за нас основательно. Их задача, не пропускать автомобили с малейшими следами радиоактивности, а наша машина была грязновата.

Пришлось ее довольно долго мыть, не помогло даже то, что она принадлежала ГАИ, и за рулем сидел лейтенант милиции. Когда дозиметристы дали добро, мы помчались со скоростью гоночного автомобиля, благо, что дорога в сторону Киева совершенно пустынна.

На следующий день я встретился с заместителем председателя Киевского облисполкома Юрием Каплиным. Вопрос я задал всего один, но он для чернобыльцев самый главный.

– Что будет с поселками и деревнями, что будет с колхозами, совхозами и коллективами промышленных предприя-

тий, эвакуированными из тридцатикилометровой зоны?

– Стратегия решения этого вопроса такова, – ответил Юрий Петрович. – Мы делаем все возможное, чтобы сохранить трудовые коллективы. Если, скажем, эвакуируется колхоз «Первомайский» и размещается на землях колхоза «Октябрьский», то это означает, что колхозу нарезаются новые угодья, что он будет иметь свое правление, свой инвентарь и непременно сохранит свои бригады и звенья.

Если эвакуируются лесхозы, то в безопасном районе им выделяются необходимые для нормальной деятельности участки. То же и с промышленными предприятиями: мы находим сходные по выпускаемым изделиям заводы и размещаем на их территории эвакуированные. Все это, разумеется, на то время, пока зараженную зону не приведут в порядок. А работы идут интенсивно. В ближайшее время будет заселено несколько десятков поселков, откуда временно эвакуировали население, угроза миновала, проведена дезактивация, и жить там можно, не опасаясь за здоровье.

– Несколько десятков погоду не делают, – заметил я. – Ведь эвакуированы десятки тысяч человек. Где будут жить чернобыльцы?

– Могу назвать точную цифру: эвакуировано 89 460 человек. О них мы тоже позаботились. Уже сейчас семь с половиной тысяч квартир выделено в Киеве и пятьсот в Чернигове. Десять тысяч мест нашли в общежитиях. Еще один источник жилья – пустующие дома, которые принадлежат част-

ным лицам, живущим в городских квартирах. Мы выкупили эти дома и безвозмездно передали эвакуированным из Чернобыльской зоны.

Кроме того, к первому октября будет построено семь тысяч домов усадебного типа. Эти поселки будут строиться со всеми удобствами, в том числе с больницами, школами, детскими садами и домами культуры. Все области Украины включились в это благородное дело. Принцип работы такой: каждая область присылает в отведенное место свою технику, материалы, людей и сдает поселок под ключ. Киевская область не очень большая, но под эти городки и села мы нашли такие земли, которые будут по душе «полешукам» – так у нас называют людей из эвакуированных районов. Там много лесов и все усадьбы жмутся к этим лесам.

– И какое у этих поселков будущее? Ведь рано или поздно люди вернутся в свои родные дома.

– Освобождающееся жилье отдадим молодым. Думаю, это будет хорошим стимулом для выпускников вузов, техникумов и ПТУ, которые зачастую не едут на село из-за отсутствия полноценного жилья и того, что мы называем социальным культурным дефицитом. Что касается работников АЭС, то для них строится городок в Страхоlesье – есть такое живописное местечко на берегу Киевского водохранилища.

– Планы, что и говорить, грандиозные, – не без доли скептицизма заметил я. – Но реальны ли они? Не получится ли так, как в хорошо известной пословице: гладко было на бу-

маге, если б только не овраги, а по ним ходить?

– А вы приезжайте месяца через три-четыре, – приглашающе улыбнулся Юрий Петрович, – и все увидите своими глазами. Думаю, что на овраги мне ссылаться не придется. По рукам?

– По рукам, – несколько легкомысленно согласился я, не отдавая себе отчета в том, что второй раз попасть в Чернобыль будет куда труднее.

Четыре месяца я не был в этих местах, а когда вспомнил об обещании приехать снова, на дыбы встали врачи. Дело в том, что все возвращающиеся из Чернобыля проходили углубленное медицинское обследование, не миновал этой участи и я. Как оказалось, рентген я получил немало, но до критической отметки, когда в Чернобыль уже не пускают, оставался небольшой зазор. Но стоило мне заявить о желании отправиться в те края снова, как врачи совершенно логично заявили:

– Зазор у вас, конечно, есть. Но откуда вы знаете, сколько получите на этот раз? Если схватите столько, сколько уже имеете, то последствия могут быть самыми серьезными.

Я пообещал быть осторожным, не геройствовать и без нужды на рожон не лезть. С тем меня и отпустили.

И вот я снова мчусь по хорошо знакомой дороге. Если в мае, подъезжая к Чернобылю и особенно Припяти, я волновался из-за того, смогу ли работать, не поглядывая поминут-

но на дозиметр, то теперь волнение было совсем другого рода: что я увижу, что сделано за сто двадцать дней и ночей, встречусь ли со старыми друзьями? С друзьями встретиться, к сожалению, не удалось, сделав свое дело, они разъехались по домам, а им на смену пришли другие, не менее мужественные люди.

Никогда не забыть, как яростно и азартно работали шахтеры, монтажники и бетонщики, сооружавшие фундамент для саркофага. Мы тогда думали, что саркофаг – это своеобразный колпак, который накроет все здание четвертого блока. Когда я сказал об этом заместителю начальника управления строительства № 605 Виктору Хапренко, тот откровенно рассмеялся.

– Какой там колпак?! Обыкновенная лестница с двенадцатиметровыми ступенями. Впрочем, правильно надо говорить не лестница, а каскад.

– Как это – лестница? – не понял я. – И зачем такие ступени? Кто по ним будет ходить?

– Ну, это же так просто, – схватил карандаш Виктор Никитович. Потом передумал, отшвырнул его в сторону и решительно встал из-за стола. – Поехали. На месте будет виднее.

Автобус не спеша катил по ровной, широкой дороге. Время от времени он притормаживал и брал попутчиков. И это на той дороге, по которой совсем недавно мы летали пулей, чтобы быстрее проскочить опасную зону! Но больше всего

меня поразило то, что с нами не было дозиметристов.

– А зачем они нужны? – спокойно отреагировал на мое замечание шофер. – Фон вполне приемлемый, опасных зон практически нет, так что ездим и даже ходим без особой опаски за здоровье.

Вот и труба, возвышающаяся над аварийным блоком. Сейчас покажутся развалины с зияющим кратером реактора.

– Стоп! А где же развалины? – воскликнул я.

– Никаких развалин здесь нет и в помине. И вообще о чем это вы, о каких развалинах? – явно подшучивая надо мной, улыбнулся Виктор Никитович.

Мы выпрыгнули из автобуса и подошли – тут я, хотите верьте, хотите не верьте, прямо-таки остолбенел – к зданию четвертого блока. Тому самому зданию, на крыше которого во время пожара погибли люди, и около которого нельзя было находиться дольше одной минуты. Виктор Никитович здоровался с людьми, о чем-то расспрашивал, а те спокойно, не оглядываясь по сторонам, отвечали. А потом он задал вопрос, от которого я онемел:

– Не хотите ли подняться в это здание?

– В это? – придя в себя, выдавил я. – Неужели я похож на сумасшедшего? Ведь это четвертый блок, там же тысячи рентген!

– Ну, как знаете, – лукаво прищурился Виктор Никитович. – А то ведь сверху саркофаг как на ладони. Картина, я вам скажу, потрясающая. Но до смотрового окна триста два-

дцать пять ступенек. И без отдыха! Никаких тысяч рентген там давно нет, но кое-какой фон все же сохранился, так что задерживаться не рекомендуется.

– Вам бы дипломатом быть, – проворчал я, на всякий случай убирая под рубашку фотоаппарат.

– Это еще почему? – всплеснул он руками.

– Уговаривать умеете. Да с таким подходцем, что отказать просто невозможно.

Сперва я ступени считал, но в конце первой сотни сбился. В середине второй пришло второе дыхание, и до меня наконец дошло, где я нахожусь. Сказал бы кто-нибудь в мае, что в сентябре я буду ходить внутри четвертого блока, ни за что бы не поверил, а этого провидца счел бы сумасшедшим. Я же помню, как на облицованном свинцом вертолете мы пролетали в тридцати метрах от здания, и вертолет так простреливало, что зашкаливало дозиметры. А сейчас мы деловито пыхтим на лестнице, и не снаружи, а внутри блока, и единственная наша забота не потерять ритм и не сбить дыхание.

– За этой стеной – реактор, – остановился Виктор Никитович. – Там действительно тысячи рентген, а здесь, вот, смотрите, дозиметристы написали мелом, сколько здесь рентген.

– Всего три сотых, – изумился я.

– А как эту стену делали! Из укрытия выскакивает человек с лопатой раствора, шлеп! – и назад. За ним выбегает парень с кирпичом, бац! – и в укрытие. Считали каждую секунду, иначе, без всякого преувеличения, смерть.

– Эти, что ли, кирпичи? – показал я на груды серовато-черных брусков.

– Они самые. Остались про запас.

– Ну-ка, попробую, как с ними бегать.

На вид брусок пористый и кажется легким, но когда я взял его в руки, пришлось поднатужиться, кирпич тянет килограммов на двадцать. Как работали, как бегали ребята с такой тяжестью по шатким лесам, не ухом, а сердцем слышати канье секундомера, представить можно, но сделать то, что сделали они, может далеко не каждый.

И снова покрытые пластиком ступени – это для того, чтобы легче мыть, снова бегущие навстречу и обгоняющие нас люди.

– Все, пришли, – выдохнул Виктор Никитович, – оставливаясь около небольшого, затянутого толстым стеклом, оконца.

Я глянул вниз и обомлел! Где-то под нами сверкающая алюминием крыша машинного зала, а чуть в сторонке какое-то странное перекрытие из огромных труб.

– Под этими трубами кратер реактора, – буднично заметил Виктор Никитович. – А правее – саркофаг.

– Вот это, похожее на гигантскую лестницу сооружение, и есть саркофаг? – недоверчиво уточнил я.

– А что, не нравится? – ревниво осведомился он.

– Почему же, нравится... Но я представлял себе нечто циклопическое, вроде огромной половинки глобуса, накрыв-

шей весь блок сверху.

– Оно и есть циклопическое, если иметь в виду нечто грандиозное, то, что по силам мифическим титанам. Но наши ребята оказались и мудрее, и сильнее мифических героев. Прежде всего нашего противника надо было перехитрить, ведь близко к себе он не подпускал, убивая все живое на довольно приличном расстоянии. Но мы придумали, как приблизиться к нему, если так можно выразиться, на расстояние вытянутой руки и при этом остаться в живых – соорудили так называемую биологическую стену.

– Биологическую? – не понял я. – Это что же, стена из чего-то живого?

– Биологическую – это значит, защищающую от прямого жесткого облучения, – чуть ли не по слогам начал вдабливать мне Виктор Никитович. – А делали ее так: в восьмидесяти метрах от реактора, прямо на рельсах забетонировали железнодорожные платформы со специальными металлоконструкциями. Это была по-настоящему героическая работа! Спрятаться негде, бетон застывает быстро, а в зоне разрешено находиться не более трех минут. И ведь сделали.

Стена хоть и невысокая, всего пять метров, но от кинжального огня реактора спрятаться можно. Тогда же, за двадцать дней, вместо шести месяцев по норме, собрали невиданный доселе подъемный кран с вылетом стрелы в сто пятьдесят метров, без него мы не подняли бы наверх ни одной железяки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.